

ности, а впоследствии и фольклора. Приспособление происходило то исподволь, от списка к списку, то более интенсивно, но это, разумеется, совсем не значит, будто сама эта ассимиляция иннервировалась теми повествовательно-стилистическими включениями и акцентами, которые настойчиво вносили все новые и новые переписчики. Однако именно эти акценты свидетельствуют о появлении эстетического отношения к басне, — отношения, которое теснило, а то и заслоняло мотивы сугубо дидактические и назидательные.⁴

XVII веку принадлежат и первые опыты стихотворного пересказа басен, не говоря уже о довольно обычном для притч рифмованном оформлении сентенций (например, в «Зрелище жития человеческого»). Иногда под пером переписчиков стихотворный облик принимают целые отрывки, как например стихи в басне о комаре и о льве, поначалу слававшиеся в списках перевода Гозвинского, а затем попавшие в «Зрелище»:

Воструби комар громким
своим гласом великим,
окрест носа львова сядяше,
лице его угрызае.
Лев ногты себе драше,
дондеже вознегодоваше.
Комар же лва победивый,
победную песнь воспевый:
«Сильнии изнемогоша,
а немощнии востаха,
аще полк на мя ополчится,
сердце мое не убоятся!»
Услышав же паука похвалы сия,
постави на пути тенета своя,
где комару летети,
как бы его изловити.
Комар в тенетах спутася
и горко о сем восплакася:
яко сильного льва победих,
ныне сам от паука погибох!⁵

Литературность стиха и речи тут очевидны. Вместе с тем на фоне силлабических версификаций конца XVII—начала XVIII века этот текст невольно привлекает простотой и ясностью стихотворной фразы. Совпадение ярко ритмизированных единиц с синтаксическим членением речи и отсутствие неестественных, путающих инверсий сообщают стихам известную легкость, непринужденность. Стилистическая же согласованность словесной ткани, чуждой как изощренных метафорических перифраз и ученых архаизмов, так и явно бытовых форм выражения, — обеспечивает внутреннюю слаженность текста, архаичного разве лишь в русско-славянских формах имени и глагола и в некоторых служебных лексемах.

Во второй половине XVII в. литературная экспансия басни нарастает. Сюжеты Эзопа проникают в другие жанры и находят новое применение — в дидактическом стихотворстве и школьных инсценировках, а то и как форма сатирического иносказания о каких-то собственно русских событиях.⁶

⁴ См.: Р. Б. Тарковский. «Притчи или баснословие Эзопа Фригии» в списках XVII—начала XVIII века. Л. (в печати).

⁵ ГБЛ, собр. Тихонравова, № 293, лл. 287—288 об.

⁶ См.: М. Д. Каган-Тарковская. Басня Эзопа «О льве и волке» в русских переделках XVII в. — ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969, стр. 245—248.